

И.А. Шляпкин

Русская палеография

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.А. Шляпкин**
Русская палеография / И.А. Шляпкин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 102 с.

ISBN 978-5-458-49248-5

Данный курс лекций И.А. Шляпкина стал одним из этапных в развитии палеографии как научной специальной историко-филологической дисциплины, поскольку он расширил объект собственно палеографии, отнеся к ней надписи на “вещевых” памятниках. По мнению Л.П. Жуковской, « наиболее ценным и сравнительно большим разделом является “Обзор азбуки вещевых надписей и связи с азбукой письменных памятников”». Ученый разделил палеографию на три направления: первое – палеография надписей на всевозможных предметах, второе – палеография исключительно рукописей и третье – палеография шрифтов. С таким делением, отражающим специфику развития графики письма в зависимости от материала и орудий письма, невозможно не согласиться.

ISBN 978-5-458-49248-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

§ 1. Общій характеръ памятниковъ вещевой палеографіи.

Къ вещевой палеографіи относятся надписи, сдѣланныя:

1) На метאלлахъ: на золотѣ—выпуклыя и врѣзанныя; на серебрѣ—врѣзанныя и накладныя; на мѣди—выпуклыя, врѣзанныя и нацарапанныя; на свинцѣ—большою частью выпуклыя, штампованныя; на сплавѣ (мѣдь въ складняхъ и крестахъ)¹⁾; на луженомъ желѣзѣ—выпуклыя надписи на сосудахъ, стаканахъ (18 вѣкъ). ✕

2) На эмали или финифти (или, какъ ее прежде называли, „ценинѣ“). Финифть—это глазурь, накладывающаяся на металлъ, большею частью на мѣдь. При Петрѣ I дѣлались изразцы-глазурь на глинѣ. Профессоръ Шляпкинъ видѣлъ въ одной церкви изразцы въ барабанѣ купола: кирпичи изъ сырца, буквы покрыты глазурью по глинѣ и обожжены (о финифти написалъ изслѣдованіе Забѣлинъ).

3) На камняхъ. Надписи выпуклыя и врѣзанныя (последнія съ 16 в.); на гранитѣ, песчаникѣ, известнякѣ или мраморѣ (Тмутараканскій камень). Для болѣе точнаго опредѣленія самого камня или мѣста, откуда онъ можетъ быть вывезенъ, слѣдовало-бы, пожалуй, призывать минеролога (около Владиміра-Волынскаго есть каменный крестъ, который былъ найденъ въ землѣ на глубинѣ одной сажени. Крестъ этотъ особенный, со впадинами, въ которыя могли быть вложены когда то надписи. Надписей теперь никакихъ нѣтъ. Существуетъ предположеніе, что это есть крестъ, поставленный въ 13 в. надъ Климомъ Христинычемъ, упоминаемый въ лѣтописи: „его-же крестъ и донныѣ стоятъ“. Очевидно, крестъ привезенъ издалека, потому что на пятьдесятъ верстъ въ окружности не встрѣчается камня подобной ему породы).

Сюда-же относятся надписи мозаичныя. Въ Византіи мозаику дѣлали изъ кусочковъ стекляннаго сплава „смальты“, а также и изъ камушковъ.

¹⁾ Чтобы опредѣлить по сплаву вѣкъ данной вещи, надо произвести химическое изслѣдованіе ея.

У насъ тоже была попытка дѣлать мозаику изъ камушковъ, но въ большинствѣ случаевъ наша мозаика стекляннaя. Вообще мозаичныхъ надписей у насъ мало.

4) На кости. У насъ вырѣзались образки по образцу Византии изъ привозной слоновой кости, а въ 15 и 16 вѣкахъ и изъ другихъ сортовъ кости, напримѣръ изъ моржовой. Не раньше 16 вѣка появились издѣлія и изъ перламутра (дорогъ—рыбій зубъ нашихъ былинъ).

5) На глинтъ: кирпичахъ-сырцахъ, „голосникахъ“, черепицахъ. Цѣльной надписи на кирпичахъ-сырцахъ почти не бываетъ, но отдѣльныхъ буквъ на нихъ (вродѣ тавра) много. На одномъ лишь кирпичѣ 15 или 16 вѣка имѣется цѣльная надпись: „Кириллъ“. Даже на кирпичахъ 12 вѣка, найденныхъ при разборкѣ Мстиславовой постройки, существуютъ буквы. Иногда встрѣчаются надписи на „голосникахъ“. Эти голосники-кувшины вкладывались въ стѣны храмовъ для поглощенія лишнихъ звуковыхъ волнъ и въ своды церковные для облегченія ихъ, потому что въ старину часто своды обрушивались. На одномъ голосникѣ, вынутомъ при реставраціи Новгородскаго Софійскаго собора, нацарапаны имя и очень красивой формы крестъ.

6) На штукатуркѣ. Въ 11 и 12 вѣкахъ у насъ употреблялась розовая штукатурка: брали красный кирпичъ, толкли его, смѣшивали съ известью и клали смѣсь между камнями. Съ 12 до 14 вѣковъ употреблялась известь „кипѣлка“. Первую, розовую известь можно было мочить, а вторая отъ воды пучилась. Поэтому въ 12 вѣкѣ стали класть въ „кипѣлку“ склеивающія вещества, напримѣръ хлѣбную клейковину. Потому въ ней иногда находимъ хлѣбныя зерна. Съ 17 вѣка появляется уже обыкновенная теперешняя известка. На всѣхъ этихъ трехъ сортахъ извести находятся надписи и, сообразно тому, на какомъ именно сортѣ извести найдена надпись, къ тѣмъ вѣкамъ и относимъ ее: на розовой—къ 11 и 12; на бѣлой—„кипѣлкѣ“—къ 12 и 14; на обыкновенной—надписи уже съ 17 вѣка.

Надписи на штукатуркѣ дѣлятся на три отдѣла: „граффити“ (graffiti), фрески и надписи масляной краской.

Граффити. Это надписи-царапки вродѣ того, что теперь встрѣчаются на скамьяхъ и стѣнахъ. Но тогда онѣ имѣли совѣтъ иной смыслъ: онѣ сохранились на стѣнахъ церквей и принадлежать ко времени съ 11 по 14 вѣкѣ. Ихъ осталось немного и онѣ имѣютъ большое бытовое значеніе. Еще и теперь существуетъ у богомольныхъ людей обычай: „ex voto“, въ благодарность за исцѣленіе вѣшать на образа серебряное изображеніе руки, ноги. А въ старину это замѣнялось надписью, нацарапанной на стѣнѣ: „Господи, помози рабу Твоему“ (имя) и „нозѣ“, и тутъ же

выпарано изображеніе ноги. Еще надпись: „Въ утѣсеніи тязцѣ“. Иногда выпарывалась цѣлая молитва, какъ напимѣрь въ Старой Ладогѣ нашли молитву: „Нынѣ силы небесныя...“, что особенно интересно потому, что надпись эта 12 вѣка, а молитва эта нигдѣ не была записана раньше 14. Въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ есть граффити отъ 1128 года. Встрѣчаются граффити заговорнаго типа.

Фресковыя надписи, на фресковой живописи. По нимъ можно узнать время самихъ фресокъ, какъ напимѣрь это было съ фресками въ барабанѣ Софійскаго Новгородскаго собора, на балкахъ новгородской же церкви Теодора Стратилата, въ нѣсколькихъ Ярославскихъ церквахъ и на развалинахъ дворца Іоанна Грознаго въ Старицѣ.

Фрески (al fresco aise), какъ показываетъ само названіе, — живопись на свѣжей, сырой извести, которая имѣетъ свойство впитывать въ себя краску. Фресковая живопись отличается необыкновенной прочностью красокъ.

Наконецъ, съ 18 вѣка надписи масляной краской.

7) Надписи на деревѣ; рѣзныя, выпуклыя на кипарисѣ, соснѣ, ели и дубѣ. Врѣзанныя надписи по дереву встрѣчаются рѣдко, и то не раньше 18 столѣтія. Тогда какъ выпуклыя бываютъ очень старинныя: съ 15 вѣка. Надписи попадаются на рѣзныхъ образкахъ конца 15 и начала 16 вѣка. Появленію рѣзныхъ образковъ способствовали отчасти ересь жидовствующихъ въ Новгородѣ, отчасти близость Новгорода къ католическому міру. Замѣчательно по рѣзбѣ царское мѣсто Ивана Грознаго 16 вѣка.

Въ 17 вѣкѣ появляется новый типъ рѣзбы по дереву: пряничныя доски. Потомъ надписи на доскахъ для набойки.

8) На тканяхъ. Вопросъ этотъ еще очень мало разработанъ (сочиненіе Бока). При обследованіи надписей на тканяхъ возникаетъ цѣлый рядъ недоумѣній. Напимѣрь въ Троице-Сергіевой Лаврѣ показывается куколь 14 вѣка Преподобнаго Сергія, а надпись на немъ ПИСУСЪ, гораздо болѣе поздняя. Оказывается, что въ 18 вѣкѣ обветшавшую надпись поддѣлали и надпись сдѣлали уже 18 вѣка. Подобное явленіе встрѣчается не только у насъ: Бокъ въ Коптскихъ древностяхъ видѣлъ у Абисинцевъ поддѣлки въ вещахъ 7 вѣка. То-же случилось съ надписью на шалочкѣ Никиты Новгородскаго. Бываютъ надписи, затканныя по шелку или холсту шелками, золотомъ и серебромъ. Надписи и крестъ чернилами на старыхъ антиминсахъ (въ 16 вѣкѣ антиминсы дѣлались маленькихъ размѣровъ).

Рядомъ съ чернильными надписями слѣдуетъ поставить набивныя. Такъ какъ ситцевъ прежде не было, то у богатыхъ людей съ 17 и

18 столѣтій росписывались холсты и ихъ прибавляли къ стѣнамъ. Звались эти холсты „обойками“—наши обои. Крестьяне, которые этимъ занимались, дѣлали формы съ узорами и на нихъ печатали эти холсты. Въ Ивановѣ-Вознесенскѣ былъ купецъ Бурилинъ, у него была богатая коллекція такихъ формъ. У Маковского есть скатерть 17 вѣка, изображающая сказку о Бовѣ-Королевичѣ, съ надписями на выворотѣ.

9) На воскъ—печати.

Самымъ лучшимъ способомъ для изученія палеографіи былъ-бы идеальнѣйшій музей, гдѣ были-бы собраны всѣ надписи, которыя, такимъ образомъ, наглядно и изучались бы. Но это, конечно, невозможно. У насъ, если и бывають небольшія собранія надписей, то не въ оригиналахъ, а въ снимкахъ, а снимки, особенно фотографическіе, не даютъ часто никакого представленія о надписи въ настоящемъ ея видѣ. Имѣющіеся у насъ общедоступные снимки сдѣланы гравюрой, литографіей, хромолитографіей и фотографіей съ разными техническими ея примѣненіями: фотогравюрой, фототипей, цинкографіей и т. д. Рѣдко, какъ на примѣръ въ Московскомъ Историческомъ музеѣ, имѣются раскрашенные снимки—слѣпки и эстампажи съ нашихъ древнихъ памятниковъ.

Снимки, сдѣланные гравюрой съ древнихъ русскихъ надписей, относятся къ концу 18 и къ началу 19 вѣковъ и не всегда отличаются точностью: художники болѣе обращали вниманіе на общее впечатлѣніе, оставляя детали въ сторонѣ, дѣлали красиво, но не похоже.

§ 2. О поддѣлкахъ древностей.

Слѣдуетъ замѣтить, что раньше, чѣмъ приступить къ съемкѣ какой-бы то ни было надписи, надо навести справки о происхожденіи того самаго предмета, на которомъ находится надпись. Хотя поддѣлываніе нашихъ древностей не широко еще распространилось, тѣмъ не менѣе подобнаго рода образцы стали заводиться уже съ 17 вѣка.

Поддѣлывали нѣкоторыя рукописи, нѣкоторыя сказанія. Для того, чтобы ихъ поддѣлать, надо было изучить цѣлый рядъ памятниковъ, дабы извѣстнаго рода документъ или памятникъ носилъ характеръ тождественный съ настоящими. Несомнѣнно дагѣ, что позже, въ Петровское и позднѣйшее время, подобнаго рода поддѣлки нашей письменности встрѣчаются особенно часто. Не будемъ останавливаться на фабрикаціяхъ 16 вѣка: статейномъ спискѣ Ицеина, бесѣдѣ Сергія и Германа и др. Крупная въ этомъ отношеніи и возбуждающая большую бурю поддѣлка—это Соборное

дѣяніе Мартина Еретика. Въ 1721 году появилась книга „Пращица“, къ которой было сдѣлано приложеніе съ описаніемъ рукописи, послужившей якобы оригиналомъ для напечатаннаго памятника. Въ ней былъ задѣтъ одинъ изъ вопросовъ о такъ называемомъ перстосложеніи. Памятниковъ, которые бы доказывали троеперстное сложеніе, было сравнительно немного, да и были они греческими, а не русскими. Нужно было полемистамъ со стороны господствующей Церкви составить что-нибудь такое, что било бы въ глаза. И вотъ появился „оригиналъ“ Соборнаго дѣянія, сочиненный, вѣроятно, авторомъ „Пращицы“ Питиримомъ. Описание Питирима говорило о томъ, что эта рукопись древняя и „красящаяся пѣсенью, аки сѣдиною“, что это подлинный документъ 12 вѣка, сохранившійся среди книгъ Св. Димитрія Ростовскаго. Но въ полемическомъ со старообрядцами сочиненіи „Розыскъ о брынской вѣрѣ“ святитель Димитрій ни слова не говоритъ о соборѣ на Мартина. Старообрядцы, которымъ поневолѣ приходилось имѣть дѣло съ древними памятниками, конечно, лучше знали палеографію, чѣмъ ихъ противники, и изобличили Питирима на основаніи палеографическихъ начертаній и историческихъ данныхъ: и языкъ не древній, и митрополита тогда такого не было и т. д. Вышелъ большой конфузъ, памятникъ былъ убранъ, Синодъ распорядился запечатать его, и онъ хранится теперь въ Синодальной Библиотецѣ. Какъ можно догадываться, поддѣляли этотъ памятникъ по приказу свыше: существуетъ замѣтка Петра Великаго: „написать книжку противъ ханжей и объявить то дѣломъ Ростовскаго съ товарищи“. Можно думать, что подобнаго рода случаи не были единственнымъ. Поддѣлывались позднѣе многочисленныя родословныя росписи. Въ двадцатыхъ годахъ 19 вѣка появилась цѣлая школа скептиковъ, которые стали отрицать почти всю русскую исторію до 14 вѣка, находя, что ранѣе мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, а все, что мы имѣемъ—это поддѣлка.

Вотъ еще примѣръ изъ литературной области. Профессору Шляпкину пришлось читать маленькую книжку покойнаго основателя Общ. любит. древней письменности, кн. Вяземскаго, о монастыряхъ на Ладожскомъ озерѣ. Тамъ разбирается исторія монастыря на о. Валаамѣ и неожиданно дѣлается ссылка на неизвѣстное сочиненіе Иллариона 11 вѣка. Было сказано, что на Валаамѣ находится такая-то рукопись съ такимъ извѣстіемъ. Когда профессоръ былъ на Валаамѣ, онъ началъ розыски этой рукописи и получилъ ее на руки. Рукопись написана почеркомъ 18 столѣтія; это еще ничего не доказываетъ: можетъ быть копія очень древняго памятника. Но формы языка и особенно свѣдѣнія о Славянахъ поразили профессора своей неожиданностью. Тутъ были гимны Перуну 5 вѣка, затѣмъ мнимыя руническія начертанія: „Нево вамъ воспою“ и

прочій вздоръ. Впослѣдствіи удалось найти и подробныя разясненія. Оказывается, что все это сочинилъ знакомый Державина, нѣкто Сулакадзевъ: онъ былъ антикваромъ, книжнымъ торговцемъ и довольно часто преподносилъ подобныя вещи богатымъ меценатамъ за большія деньги.

Всѣ эти поддѣлки были оцѣнены Пыпинымъ въ его книгѣ: „О поддѣлкѣ рукописей“. Въ рукописяхъ палеографъ дастся въ обманъ не очень скоро: у насъ существуютъ достаточно точныя приемы, чтобы рѣшить, поддѣлана ли рукопись или нѣтъ. Чаше поддѣлки встрѣчаются въ отдѣлѣ генеалогическихъ свѣдѣній. Являются фантастическія грамоты съ ссылками на несуществующіе факты о происхожденіи того или иного дворянскаго рода.

Подобнаго-же рода приемы касались и вещественныхъ памятниковъ. Въ 90-хъ годахъ, въ Одессѣ, по инициативѣ одного еврея-антиквара, была сдѣлана по образцамъ греческаго искусства золотая тиара, которая была выдана за якобы найденную тиару скинскаго царя Сайтаферна (3 или 1 в. до Р. Х.), давно отыскиваемую археологами. Чтобы золото, изъ котораго она была сдѣлана, не возбудило сомнѣнія, были взяты древнія золотыя монеты. Тиара эта, какъ оригиналь, была приобрѣтена за 200 т. фр. Луврскимъ Музеемъ у ловкаго антиквара, и лишь исповѣдь одного изъ соучастниковъ раскрыла обманъ. Въ Нижнемъ, Москвѣ и Ростовѣ-Ярославскомъ поддѣлываютъ складни съ финифтью, древніе подсвѣчники, панатіи съ фальшивыми надписями, иконы, мѣдные талеры (гривны), посуду и пр. Въ антикварныхъ торговляхъ теперь существуетъ уже довольно подобныхъ поддѣлокъ и продаются онѣ обыкновенно за сходную цѣну. Но это анонимныя вещи. Есть и болѣе важныя, хотя и спорныя фальсификаціи. Объ одномъ памятникѣ, на примѣръ, и до сихъ поръ ломаютъ копья наши ученые. Въ Эрмитажѣ (среди собраній Царскосельскаго музея) находится довольно большая, бѣлая и толстая мраморная плита съ русской надписью 11 вѣка. Первый дефектъ: никакихъ древнихъ памятниковъ этого періода мраморныхъ (кромѣ гробницъ въ Кіевѣ), мы не знаемъ. По легендѣ о Константинѣ Муромскомъ оказывается, что въ Муромѣ была мраморная мостовая и мраморная лѣстница къ Окѣ. Но мы знаемъ, что это показаніе объясняется изъ алебастровыхъ ломокъ, находящихся въ Муромѣ, и изъ народной этимологіи: Муромъ-муроморъ, мураморяный-мраморный. На плитѣ, съ краю, находится надпись такого содержания: **ВЪ ЛѢТО СФОРІИ С ГЛѢБЪ КНАЗЪ ЛІВЕНІЪ ЛІ(ОРЕ) ПО ДЕДУ СѢ ТЪМУ-ТОРОКІАНЪ ДО КЪРЧЕВА** и **СДЖЕ(НЪ)**. Оленингъ въ письмѣ къ издателю этого памятника, графу А. И. Мусинъ-Пушкину, далъ цѣлое изслѣдованіе о томъ, что это за памятникъ и откуда онъ взялся. Онъ доказываетъ, что Тмутараканское княжество, основанное Мстиславомъ, братомъ Ярослава Мудраго, было расположено у Керчи (Корчевъ) на Тамани. Такой

памятникъ указываетъ на высокую культуру: въ 11 столѣтіи памятникъ землемѣрія на чистомъ бѣломъ мраморѣ... можно было только радоваться. Филологи приступили къ памятнику: нашли языкъ правильнымъ, написано не сажень, а сажень (сажень—сягать, досягать), все древнія формы, никакихъ ошибокъ противъ языка нѣтъ. Можно было поставить вопросъ о начертаніи, но отъ 11 вѣка нѣтъ памятниковъ, съ которыми можно было-бы сравнить его. Но нашлись и скептики. Последнее сраженіе по этому поводу было между двумя большими авторитетами: Соболевскимъ и Спицынымъ, но ни въ ту, ни въ другую сторону рѣшенія не было дано. Спицынъ сомнѣвался, Соболевскій-же утверждалъ подлинность камня. Проф. Шляпкинъ принадлежитъ къ числу скептиковъ и вотъ почему. И тотъ и другой спорящіе упустили изъ вида одно маленькое свидѣтельство, находящееся въ книжечкѣ „Отечественныя Достопамятности 1824 г.“. Въ ней говорится объ этомъ камнѣ, что онъ служилъ подножіемъ какой-то статуи. Это уже подозрительно. Но вотъ еще свидѣніе, которое, если и не поддерживаетъ скепсиса профессора, то уничтожаетъ значеніе этого памятника. Онъ былъ найденъ въ екатерининское время (въ 1792 году), когда въ большой модѣ былъ восточный вопросъ и когда мечтали о томъ, что нужно „Аѳинамъ возвратитъ Аѳину (Екатерину), а Константинополь—Константину“ (т. е. Константину Павловичу). И вотъ когда объ этомъ памятникѣ узнали въ Петербургѣ, то рѣшено было привезти его сюда. Но такъ какъ въ грязномъ видѣ привезти его было нельзя, то и позвали каменотеса, который его почистилъ и подправилъ буквы, чтобы онѣ были покрасивѣе и попрямѣй. Это показаніе уничтожаетъ палеографическое значеніе камня. Любопытно, что впоследствии, кромѣ одного образка, никакихъ русскихъ древностей на Тамани не нашли: вѣроятно и Тмутаракань должна была находиться гдѣ-то по Донцу. Вотъ образчикъ того, какъ осторожно надо относиться къ древнимъ памятникамъ, даже давно извѣстнымъ.

§ 3. О чисткѣ и снимкахъ надписей вещевой палеографіи.

Итакъ: приступая къ изученію памятника, мы прежде всего должны узнать, каково его происхожденіе. Какъ только изслѣдовано его происхожденіе и степень его достовѣрности, нужно сдѣлать съ нимъ простую вещь, на которую вообще мало обращаютъ вниманія: нужно его вымѣрить, вычистить и вымыть.

Конечно, при этомъ нужно быть весьма осторожнымъ, чтобы его не повредить. Есть фреска въ Спасо-Нередицкомъ храмѣ въ Новгородѣ, изображающая князя Ярослава Владиміровича (13 вѣка). Желая узнать, была ли реставрація или пѣтъ, покойный изслѣдователь, Василій Александровичъ Прохоровъ, извѣстный издатель „Христіанскихъ древностей“, смылъ губкой княжескую шапку и тамъ оказалась вторая, немножко набекрень. Такимъ образомъ онъ сдѣлалъ важное открытіе, но сырость отъ мытья распространилась дальше, и въ результатѣ по фигурѣ князя пошли потеки и попали на буквы надписи. Правда, Прохоровъ успѣлъ ихъ зарисовать, но нельзя судить о степени ихъ точности. Потому фрески Спасо-Нередицкой церкви были дважды перерисованы, и, кажется съ ними не церемонились: полотняныя кальки висѣли въ неотапливаемой церкви по цѣлымъ недѣлямъ. Въ настоящее время надпись почти невозможно прочесть, она вся какъ будто смыта и синій фонъ слился съ бѣлыми буквами. Вотъ какъ осторожно слѣдуетъ обращаться съ фресками при очисткѣ.

Но и съ эмалью надо тоже соблюдать осторожность. Если слишкомъ сильно тереть предметъ щеткой, то эмаль можетъ отвалиться. Затѣмъ можетъ быть такой случай, что подъ влияніемъ спирта эмаль потеряетъ цвѣтъ или получитъ совсѣмъ другой оттѣнокъ. Не всегда бываетъ возможно или удобно мыть металлическій предметъ.

Въ то время какъ золото отъ времени не измѣняется (чему прѣмъромъ можетъ послужить кладъ Александра Македонскаго, найденный въ Екатеринославской губ.), серебро, долго пролежавъ въ землѣ, дѣлается очень ломкимъ. Также надписей на мѣди лучше не мыть, ибо мѣдь также подвергается окисленію; можно съ большою осторожностью промыть ихъ масломъ. Надписи-же на луженомъ желѣзѣ очень прочны и ихъ можно чистить безъ боязни.

Если камень не известковой породы, то надпись на немъ можно вымыть водой, подкисленной уксусомъ (если эта надпись закрашена известкой), или осторожно откалывать куски штукатурки стилемъ.

Около Владиміра-Волынскаго, въ селеніи Зимино существуетъ очень древняя крѣпка для покойниковъ, съ надписями 17 столѣтія, русскими и польскими. Эти надписи нацарапаны на песчаникѣ и сфотографировать ихъ нѣтъ никакой возможности—ихъ можно только кое-какъ зарисовать отъ руки. Тамъ-же находится каменный крестъ; съ него снята фотографія и размѣръ. Въ самомъ монастырѣ находится древняя икона Божіей Матери, покрытая золотой ризой. Работа ризы старая, и насколько можно судить, 16 вѣка. И монашенки того монастыря, и благочинный, всѣ были увѣрены, что эта икона была принесена еще Владиміромъ Свя-

тымъ изъ Корсуня, и что оба эти предмета составляли святыню великокняжеской загородной дачи „Зимна“, т. е. прохладной. На этой иконѣ привѣшаны какіе-то кусочки. Проф. Шляпкинъ, будучи въ томъ монастырѣ, сталъ разсматривать икону и висѣвшіе на ней „кусочки“ и увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ представляетъ собою коралль, привѣшенный къ иконѣ, а затѣмъ виситъ крохотный привѣсокъ, повидимому, изъ золота. Профессоръ сталъ внимательнѣе разсматривать этотъ привѣсокъ, и замѣтилъ на немъ надпись, неясную отъ грязи ее покрывавшей. Оказалось, что это—ковчегъ для мощей, въ видѣ крохотного желудка. Отъ сдѣланъ шестиграннымъ, и на грани видна надпись: „мощи свѣщенномученника Ермолаи“. Профессоръ попросилъ было позволеніе снять фотографію, но рѣшивъ, что она выйдетъ плохо, задумалъ сдѣлать гипсовый снимокъ. Надо было ковчегъ вымыть; благочинный совершилъ омовеніе и разрѣшилъ сдѣлать гипсовый снимокъ. Вещь оказалась 15 вѣка и совершенно сходная по начертанію буквъ съ крестомъ св. Параскевы въ Полоцкѣ.

Вообще—осмотръ предмета дѣло не простое, а требующее большого вниманія. Положеніе надписи не всегда бываетъ удобно для его обозрѣнія. Она иногда можетъ находиться на крышѣ церкви, на мѣдномъ листѣ или на крестѣ, увѣнчивающемъ куполь храма. Такая надпись на мѣдномъ листѣ обнаружена во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (издана Н. П. Лихачевымъ и заключаетъ запись о землетрясеніи 14 вѣка). Надпись иногда выпаранана сбоку креста или на ободѣ иконостаса (профессоръ подразумевает не все устройство иконостаса, а отдѣльно поставленные образа, какъ ставятъ у насъ у клиросовъ гдѣ поютъ пѣвчіе). Такой иконостасъ, извѣстный подъ названіемъ „Вщижскій“ представляетъ родъ ажурной мѣдной арки на двухъ столбахъ. На ободѣ надпись крохотными буквами: „Господи, помози рабу Своему Дмитрію“ (этотъ „иконостасъ“ хранится въ московскомъ Историческомъ музеѣ. Это собственно говоря, подсвѣчникъ, и свѣчи вставлялись на острія, расположенныя на дугѣ „иконостаса“). На одной эрмитажной серебряной гривнѣ (обрубокъ серебра) находятъ надписи, которыя приходится читать въ лупу. Встрѣчаются надписи на бахромѣ покрыва на иконѣ Богородицы „Достойно“ и пр.

О снимкахъ надписей съ каменныхъ, металлическихъ и друг. предметовъ. Самый лучший, конечно, способъ—снять съ даннаго предмета фотографію или эстампажъ. Вычистивши его, освѣтить вспышкой магніи или ждать такого освѣщенія солнцемъ, когда въ надписи, выпуклой, или вѣзанной, будутъ свѣтовые оттѣнки. Внутри помѣщенія это можно устроить, хотя, если помѣщеніе не велико, то дымъ отъ магніи можетъ

затемнить снимокъ. Если надпись на предметѣ идетъ кругомъ, какъ на-примѣръ на колоколѣ, то надо дѣлать четыре снимка—со всѣхъ четы-рехъ сторонъ, чтобы вышла вся надпись. На воздухѣ снимать гораздо труднѣй: нужно производить снимки особымъ аппаратомъ, чтобы не было aberrации, и выжидать удобнаго освѣщенія: тогда лишь получится удовле-творительный фотографическій снимокъ.

Надписи на эмали иногда приходится фотографировать черезъ цвѣтное стекло (дополнительный цвѣтъ). При сниманіи мозаичныхъ над-писей надо предварительно ихъ „накатывать“, т. е. войлочнымъ вали-комъ, намазаннымъ краской (горячая вода, медь или гумми-арабикъ и сажа) прокатываютъ по мозаичной вещи. Тогда выпуклыя части дѣ-лаются черными и выходятъ на фотографическихъ снимкахъ очень рельефно. Необходимое правило—снимать съ каждаго памятника фото-графію и до очистки и промывки его. Надписи на штукатуркѣ—фото-графировать.

Надписи на деревѣ—снимать эстампажъ.

На тканяхъ—фотографировать, но непремѣнно и изнанку.

На воскѣ—фотографировать; также на кожѣ и пергаментѣ.

Но вѣдь раньше фотографіи не было, а между тѣмъ есть памят-ники, которые исчезли и сохранились отъ нихъ только рисунки (напри-мѣръ надписи въ пещерѣ Іоанна въ Кіевѣ). Снимки эти раздѣляются на два класса: на художественные и чертежные (прорисованные). Если снимокъ дѣлалъ настоящій художникъ, то въ большинствѣ случаевъ его рисунокъ никуда не годится въ палеографическомъ отношеніи. Суще-ствуетъ альбомъ Бороздина, изданный въ 1820 г. (въ СПб. Пуб. Библио-текѣ): цѣлый рядъ акварелей, исполненныхъ очень хорошо, но сообразно требованіямъ тогдашняго искусства, художникъ импровизировалъ, и над-писи зарисованы прямо фантастическія. Возьмемъ прекрасные рисунки Солнцева, издателя „Древностей Россійскаго Государства“, сдѣланные по приказу Императора Николая I: для палеографіи они являются весьма неудовлетворительными. Проф. Шляпкинъ сравнивалъ нѣкоторые пред-меты: то, что дано въ изданіи Солнцева, даетъ превосходное худо-жественное впечатлѣніе, но надписи никуда не годятся. Встрѣчаются ошибки и въ колоритѣ: на омофорѣ Моисея, епископа Новгородскаго (14 вѣка) перепутаны краски—красная и зеленая.

Снимки, сдѣланные чертежниками, бываютъ болѣе цѣнными, но такъ какъ дѣлать ихъ человекъ въ простотѣ душевной, то часто попа-далъ въ просакъ: онъ принималъ грязь и пылъ за начертанія и ставилъ несуществующія черточки. Это можно видѣть на кальковыхъ снимкахъ граффити Софійскаго Новгородскаго собора. Рисовалось это въ девяно-